

МИХАИЛ
ШОЛОХОВ

Федотка

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА • 1984

С грехом пополам выпроводив деда Щукаря, Давыдов решил пойти в школу и на месте определить, что ещё можно сделать, чтобы школьное помещение к воскресенью приняло праздничный вид. А кроме того, ему хотелось поговорить с заведующим и вместе с ним прикинуть, сколько и каких строительных материалов потребуется на ремонт школы и когда приступать к нему, чтобы без особой спешки и возможно добротнее отремонтировать здание к началу учебного года.

По старым, скрипучим ступенькам Давыдов поднялся на прос-

торное крыльцо школы. У дверей босая и плотная, как сбитень, девочка лет десяти посторонилась, пропуская его.

— Ты ученица, милая? — ласково спросил Давыдов.

— Да, — тихо ответила девочка и смело снизу вверх взглянула на Давыдова.

— Где тут живет ваш заведующий?

— Его нет дома, они с женой за речкой, на огороде капусту поливают.

— Экая незадача... А в школе кто-нибудь есть?

— Наша учительница, Людмила Сергеевна.

— Что же она тут делает?

Девочка улыбнулась:

— Она с отстающими ребятами занимается. Она каждый день с ними занимается после обеда.

— Значит, подтягивает их?

Девочка молча кивнула головой.

— Порядок! — одобрительно сказал Давыдов и вошёл в полутемные сени.

Откуда-то из глубины длинного коридора доносились детские голоса. Неторопливо обходя и по-хозяйски осматривая пустые классы, Давыдов через приоткрытую дверь в последней комнате увидел с десяток ребятишек, просторно разместившихся в переднем ряду сдвинутых парт, и около них — молоденькую учительницу. Невысокого роста, худенькая и узкоплечая, с коротко подстриженными белёсыми и кудрявыми волосами, она походила скорее на девочку-подростка, нежели на учительницу.

Давненько уже не переступал Давыдов порога школы, и теперь странное чувство испытывал он, стоя возле двери класса, сжимая в левой руке выгоревшую на солнце кепку. Что-то от давнего уважения к школе, некое сладостное волнение, навеянное мгновенным воспоминанием о далёких годах детства, пробудилось в его душе в эти минуты...

Он несмело открыл дверь и, покашливая вовсе не оттого, что першило в горле, негромко обратился к учительнице:

— Разрешите войти?

— Войдите, — прозвучал в ответ тонкий девичий голос.

Учительница повернулась лицом к Давыдову, удивленно приподняла брови, но, узнав его, смущенно сказала:

— Входите, пожалуйста.

Давыдов неловко поклонился:

— Здравствуйте. Вы извините, что помешал, но я на одну минуточку... Мне бы осмотреть вот этот последний класс, я — насчёт ремонта школы. Я могу обождать.

Девушка подошла к Давыдову:

— Проходите, пожалуйста, товарищ Давыдов! Через несколько минут я закончу урок. Присядьте, пожалуйста. Может быть, позвать Ивана Николаевича?

— А кто это?

— Наш заведующий школой — Иван Николаевич Шпынь. Разве вы его не знаете?

— Знаю. Не беспокойтесь, я обожду. Можно мне побыть здесь, пока вы занимаетесь?

— Ну конечно! Садитесь, товарищ Давыдов.

Девушка смотрела на Давыдова, говорила с ним, но всё ещё никак не могла оправиться от смущения; она мучительно краснела, даже ключицы у неё порозовели, а уши стали пунцовыми.

Вот чего не переносил Давыдов! Не переносил уже по одному тому, что, глядя на какую-нибудь краснеющую женщину, он почему-то и сам начинал краснеть и от этого всегда испытывал ещё большее чувство смущения и неудобства.

Он сел на предложенный ему стул около небольшого столика, а девушка, отойдя к окну, стала раздельно диктовать ученикам:

— Ма-ма го-товит... Написали, дети? Го-то-вит нам о-бед. После слова «обед» поставьте точку. Повторяю...

Вторично написав предложение, ребятишки с любопытством уставились на Давыдова. Он с нарочитой важностью провёл пальцами по верхней губе, делая вид, будто разглаживает усы, и дружески подмигнул ребятам. Те заулыбались; добрые отношения начали будто бы налаживаться, но учительница снова стала диктовать какую-то фразу, привычно разбивая слова на слоги, и ребятишки склонились над тетрадями.

Давыдов достал записную книжку, написал: «Школа. Доски, гвозди, стекло — ящик. Парижская зелень на крышу. Белила. Олифа...»

Хмурясь, дописывал он последнее слово, и в это время пущенный из трубки маленький влажный шарик разжёванной бумаги мягко щёлкнул его по лбу, прилип к коже. Давыдов вздрогнул от неожиданности, и тотчас же кто-то из ребятишек прыснул в кулак. Над партами прошелестел тихий смешок.

— Что там такое? — строго спросила учительница.

Сдержанное молчание было ей ответом.

Отлепив шарик со лба, улыбаясь, Давыдов бегло осмотрел ребят: белёсые, русые, чёрные головки низко склонились над партами, но ни одна загорелая ручонка не выводила букв...

— Закончили, дети? Теперь пишите следующее предложение...

Давыдов терпеливо ждал, не сводя смеющихся глаз со склонённых головок. И вот один из мальчиков медленно, вороВато приподнял голову, и Давыдов прямо перед собою увидел старого знакомого: не кто иной, как сам Федотка Ушаков, которого он однажды весною встретил в поле, смотрел на него узенькими щёлками глаз, а румяный рот его расползался в широчайшей, неудержимой улыбке. Давыдов глянул на плутовскую рожицу и сам чуть не рассмеялся вслух, но, сдержавшись, торопливо вырвал из записной книжки чистый лист, сунул его в рот и стал жевать, быстро взглядывая на учительницу и озорно подмигивая Федотке. Тот смотрел на него во все глаза, но, чтобы не выдать улыбки, прикрыл рот ладошкой.

Давыдов, наслаждаясь Федоткиным нетерпением, тщательно и не спеша скатал бумажный мякиш, положил его на ноготь большого пальца левой руки, зажмурил левый глаз, будто бы прицеливаясь. Федотка надул щёки, опасливо вобрал голову в плечи, — как-никак шарик был не маленький и увесистый... Когда Давыдов, улучив момент, лёгким щелчком послал шарик в Федотку, тот так стремительно нагнул голову, что гулко стукнулся лбом о парту. Выпрямившись, он уставился на учительницу, испуганно вытаращил глазёнки, стал медленно растирать рукою покрасневший лоб, а Давыдов, беззвучно трясясь от смеха, отвернулся и по привычке закрыл ладонями лицо.

Разумеется, поступок его был непростительным ребячеством, и надо было соображать, где он находится. Овладев собою, он с виноватой улыбкой покосился на учительницу, но увидел, что она, отвернувшись к окну, также пыталась скрыть смех. Худенькие плечи её вздрагивали, а рука со скомканным платочком тянулась к глазам, чтобы вытереть выступившие от смеха слёзы.

Сделав серьёзное лицо, Давыдов взглянул на Федотку. Живой, как ртуть, мальчишка уже нетерпеливо ёрзал за партой, показывая пальцем себе в рот, а потом раздвинул губы: там, где

некогда у него была щербатина,— торчали два широких, иссиня-белых зуба, ещё не выросших в полную меру и с такими трогательными зубчиками по краям, что Давыдов невольно усмехнулся.

Он отдыхал душой, глядя на детские лица, на склонённые над партами разномастные головки, невольно отмечая про себя, что когда-то, очень давно, и он вот так же, как Федоткин сосед по парте, имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелёгком труде. И опять, как и весною при первом знакомстве с Федоткой, он со вздохом подумал: «Легче вам, птахи, жить будет, да и сейчас легче живётся, а иначе за что же я воевал? Уж не за то ли, чтобы и вы хлебали горе лаптем, как мне в детстве пришлось?»

Из мечтательного настроения его вывел всё тот же Федотка: словно на шарнирах вертясь за партой, он привлёк внимание Давыдова, знаками настойчиво прося показать, как у того обстоит дело с зубом. Давыдов улучил момент, когда учительница отвернулась, и огорчённо разводя руками, обнажил зубы. Увидев знакомую щербатину во рту Давыдова, Федотка прыснул в ладошки, а потом с величайшим самодовольством заулыбался. Весь его торжествующий вид красноречивее всяких слов говорил: «Вот как я тебя обставил, дядя! У меня-то зубы выросли, а у тебя — нет!»

Но через минуту произошло такое, о чём Давыдов и долгое время спустя не мог вспоминать без внутреннего содрогания. Расшалившийся Федотка, снова желая привлечь к себе внимание Давыдова, тихонько постучал о парту, а когда Давыдов рассеянно взглянул на него,— Федотка, важно откинувшись, полез правой рукой в карман штанишек, вытащил и опять быстро сунул в карман ручную гранату-лимонку. Всё это произошло так мгновенно, что Давыдов в первый момент только ошалело заморгал, а бледнеть начал уже после...

«Откуда у него?! А если капсюль вставлен?! Стукнет по сиденью, и тогда... О, чёрт тебя, что же делать?!» — с жарким ужасом думал он, закрыв глаза и не чувствуя, как пот прохладной испариной выступил у него на лбу, на подбородке, на шее.

Надо было что-то немедленно предпринять. Но что? Встать и попытаться силой отобрать гранату? А если мальчишка испугается, рванётся из рук и ещё, чего доброго, успеет швырнуть гранату, не зная, что за этим последует его и чужая смерть... Нет, так дело не годится. Давыдов решительно отверг этот вариант. Всё ещё не открывая глаз, он мучительно искал выхода, торопил мысль, а воображение помимо его воли услужливо рисовало жёлтую

вспышку взрыва, дикий короткий вскрик, изуродованные детские тела...

Только теперь он ощутил, как медленно стекают со лба капельки пота, скользят по бокам переносицы, щекочут глазницы. Он хотел достать носовой платок и нащупал в кармане перочинный нож — давнишний подарок одного старого друга. Давыдова осенило: правой рукой он вытащил нож, рукавом левой — вытер обильный пот на лбу и с таким подчёркнутым вниманием стал вертеть и разглядывать нож, как будто видел его впервые в жизни. А сам искоса посматривал на Федотку. Тот не сводил с ножа зачарованных глаз. Это был не просто нож, а чистое сокровище! Ничего равного по красоте он ещё не видел. Но когда Давыдов вырвал

из записной книжки чистый листок и тут же, быстро орудуя ножничками, вырезал лошадиную голову, — восторгу Федоткиному не было конца!

Вскоре урок окончился. Давыдов подошёл к Федотке, шёпотом спросил:

— Видал ножичек?

Федотка проглотил слюну, молча кивнул головой.

Наклонившись, Давыдов шепнул:

— Меняться будем?

— А кого на кого менять? — ещё тише прошептал Федотка.

Нож на железку, какая у тебя в кармане.

Федотка с такой отчаянной решимостью согласия закивал голо-

вой, что Давыдов должен был попридержать его за подбородок. Он сунул в руку Федотки нож, бережно принял на ладонь гранату. Капсюля в ней не оказалось, и Давыдов, часто дыша от волнения, выпрямился.

— У вас тут какие-то секреты? — улыбнулась, проходя мимо, учительница.

— Мы с ним старые знакомые, а виделись давно... Вы нас извините, Людмила Сергеевна, — почтительно сказал Давыдов.

Возле крыльца толпа ребятишек плотным кольцом окружила Федотку, рассматривая нож. Давыдов отозвал счастливого владельца в сторону, спросил:

— Где ты нашёл свою игрушку, Федот Демидович? В каком месте?

— Показать, дяденька?

— Обязательно!

— Пойдём. Пойдём зараз же, а то мне после некогда будет, — деловито предложил Федотка.

Он сжал в руке указательный палец Давыдова и, явно гордясь тем, что ведет не просто дядю, а самого председателя колхоза, изредка оглядываясь на товарищей, вразвалочку зашагал по улице.

Так они и шли, не особенно торопясь, лишь время от времени обмениваясь короткими фразами.

— Дяденька, а этот кругляш, какой я тебе отдал, он от кого? От веялки?

— А ты где его нашёл?

— В сарае, куда идем, под веялкой. Старая-престарая веялка там такая, на боку лежит, вся разбитая, и он под ней был. Мы в похоронючки играли, я полез хорониться, а кругляш там лежит. Я его и взял.

— Значит, это от веялки часть. А палочки железной небольшой возле него не видел?

— Нет, там больше ничего не было.

«Ну и слава богу, что не было, а то ты мне ещё учинил бы такое, что и на том свете не разобрались бы», — подумал Давыдов.

— А эта часть от веялки тебе дюже нужна? — поинтересовался Федотка.

— Очень даже.

— В хозяйстве нужна? На другую веялку?

— Ну, факт!

После недолгого молчания Федотка сказал басом:

— Раз в хозяйстве эта часть нужна — значит, не горюй, ты поменялся со мной правильно, а нож ты себе новый купишь.

Так умозаключил рассудительный не по годам Федотка и успокоенно улыбнулся. Душа у него, как видно, стала на место.

Теперь Давыдов уже безошибочно знал, куда ведёт его Федотка, и когда по переулку слева завиднелись постройки, некогда принадлежавшие отцу Тимофея Рваного, спросил, указывая на крытый камышом сарай:

— Там нашёл?

— Как ты здорово угадываешь, дяденька! - восхищённо воскликнул Федотка и выпустил из руки палец Давыдова. - Теперь ты и без меня дойдёшь, а я побегу, мне дюже некогда!

Как взрослому пожимая на прощанье маленькую ручонку, Давыдов сказал:

— Спасибо тебе, Федот Демидович, за то, что привел меня куда надо. Ты заходи ко мне, проведывай, а то я скучать по тебе буду. Я ведь одинокий живу...

— Ладно, как-нибудь зайду, - снисходительно пообещал Федотка.

Повернувшись на одной ноге, он свистнул по-разбойничьи, в два пальца, очевидно созывая друзей, и дал такого стрекача, что в облачке пыли только чёрные пятки замелькали.

Давыдов прошёл по поперечной балке несколько шагов, легко спрыгнул на мягкую, перегнойную землю.

— Откуда начнём, Сидорович?

— Хорошие плясуны танцуют всегда от печки, а нам с тобой начинать поиск надо от стенки, — пробасил старый кузнец.

Вооружившись наскоро сделанными в кузнице щупами — толстыми железными прутьями с заострёнными концами, — они пошли рядом вдоль стены, с силой опуская щупы в землю, медленно продвигаясь к веялке, лежавшей у противоположной стены. За несколько шагов до веялки щуп Давыдова почти по самую рукоятку мягко вошёл в землю, глухо звякнул, коснувшись металла.

— Вот и нашли твой клад, — усмехнулся Шалый, берясь за лопату.

Но Давыдов потянул лопату к себе:

— Дай-ка я начну, Сидорович, я помоложе.

На метровой глубине он обрыл кругом массивный свёрток. В промасленный брезент был тщательно завёрнут станковый пулемёт «максим». Из ямы вытаскивали его вдвоём, молча развернули брезент, так же молча переглянулись и молча закурили.

После двух затяжек Шалый сказал:

— Всурьёз собирались Рваные щупать Советскую власть...

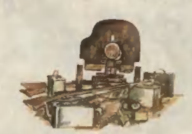
— А ты смотри, как по-хозяйски сохранили «максима»: ни ржавчины, ни пятнышка, хоть сейчас заправляй ленту! А ну, дай-ка я поищу в яме, может, ещё что нащупаем...

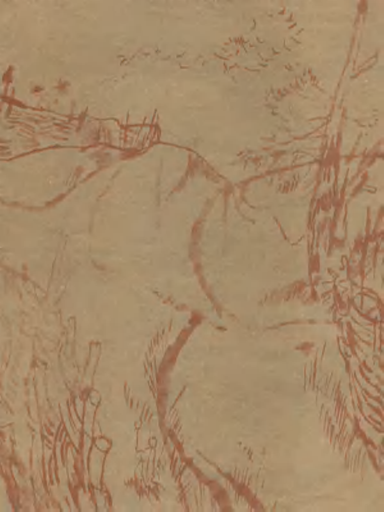
Через полчаса Давыдов бережно разложил возле ямы четыре цинки с пулемётными лентами, винтовки, початый ящик винтовочных патронов и восемь ручных гранат с капсюлями, завёрнутыми в полусопревший кусок клеёнки. В яме, уходившей под каменную стену, валялся и пустой самодельный чехол. Судя по длине его, в нём когда-то хранилась винтовка.

До заката солнца Давыдов и Шалый разобрали в кузнице пулемёт, тщательно прочистили, смазали. А в сумерках в предвечерней ласковой тишине за Гремячим Логом пулемёт зарокотал — воинственно и грозно. Одна длинная очередь, две короткие, ещё одна длинная, и опять — тишина над хутором, над отдыхающей после дневного жара степью, пряно пахнущей увядшими травами, нагретым чернозёмом.

Давыдов поднялся с земли, тихо сказал:

— Хорошая машинка! Машинка хоть куда!

15 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Михаил Александрович Шолохов

ФЕДОТКА

Из романа „Поднятая целина"

Художник В. Гальдяев

[illegible]

[illegible]